

ЕЛ второй год моего жительства в Иркутске — без своего угла, без родственников, у которых можно было бы верняком перехватить денюжку до аванса. К осени 1962 года я перевелся на работу в редакцию областной газеты «Советская молодежь». Назначили меня сотрудником отдела комсомольской жизни, которым заведовал Саша Вампилов. До сих пор считаю: более счастливого стечения обстоятельств не выпадало мне в жизни. Кроме Вампилова, сотрудничали тогда в «молодежке» будущие прозаики Альберт Гурулев и Евгений Суворов, будущий поэт Сергей Иоффе. Всем нам хотелось писать рассказы, стихи или, на худой конец, очерки.

Благодатная, будоражившая творческая атмосфера тех лет породила ТОМ — творческое объединение молодых. Его литературным штабом стала редакция комсомольской газеты. Встречи и «заседания» начинающих авторов длились иногда до той поры, когда уже не было смысла разъезжаться по домам. Да, не раз и не два оставались мы ночевать там, на редакционных дерматиновых диванах.

Давненько отшумела «томовская» круговорот. Как память о ней осталась на полке книжка «Ветер странствий» — коллективный сборник рассказов. На обложке среди других автографов бывших сотрудников «молодежки» — А. Вампилов, Е. Суворов, В. Жемчужников.

Помнится, вскоре после знакомства Саня позвал меня к себе в гости на чай. Жил он тогда в предместье Глазково у брата, геолога, вместе с матерью Анастасией Прокопьевной и бабушкой уютно в двух комнатухах.

Я расспрашивал Саню, что он написал, попросил показать газетные вырезки. Мне тогда не было известно, что у него уже вышел сборник юмористических рассказов «Стечение обстоятельств», а он почему-то умолчал о нем, ни словом не обмолвился. У кого из начинающих писателей хватило бы выдержки не похвалиться своей первой книгой?

Позднее мне удалось где-то раздобыть эту книжку. Прочитал рассказы залпом, был поражен блистательным вампиловским юмором. Саня принял мою похвалу спокойно, точно для него те рассказы — пройденный этап. Наверно, так и было в действительности: Вампилов становился Вампиловым, начались поездки на семинары драматургов: то в Ялту, то в Дубулты. И как его ждали друзья иркутские, как ждали ему победных премьер, как встречали после долгих отлучек!

Видеться приходилось теперь все реже — Саня ушел из редакции на «вольные хлеба». Потом и я расстался с газетой, и мне случалось надолго уезжать из Иркутска, только не в дальние западные города, а в ближайшую прибайкальскую тайгу.

Любили Вампилова многие — за талант, принципиальность, остроумие, широту коренного сибиряка. Так уж водится среди людей: глубокая, сильная, добрая натура — будто костер, который многих притягивает и объединяет. А когда в кругу собратьев по перу начиналось выяснение отношений по поводу, «кто у нас ведущий», он говорил примерно так: «Не торопите события, пускай этим занимаются потом, после нас».

Помню, одно дружеское застолье кончилось ссорой. На другое утро, не сговариваясь, участники нервозной вечеринки сбегались у меня на квартиру. Неловко, виновато чувствовал себя каждый из нас — погорячились.

Саня Вампилов сказал негромко: — Ведем себя, как мальчишки, а мы ведь уже пожилые люди.

Все расхохотались. В самом деле, какого черта! Каждому уже за тридцать.

Потом стали кружком, голова к голове, и обнялись. Так хоккеисты перед началом мат-

ча дают клятву биться до конца.

Минута была святая.

— Ну что, мужики, мировую!

— За братство!..

Что касается моих отношений с Саней, тут, кажется, все было ясно, понятно. Нас многое объединяло. Начать хотя бы с элементарной «биографической совместимости»: поселковое детство, трое детей на руках одной матери в военное время. Мы родились в один год — 1937-й, Саня был старше меня всего на три дня. Оба гоняли в школьную пору футбол, ходили в музыкальный кружок. Близость к природе с юных лет

всегда ведь кажется, что у другого берега лучше клюет. В поисках какого-нибудь владельца лодки мы подошли к запани и там, среди завалов сплавного леса, наткнулись на плоскодонку, которую вынесло сюда во время половодья. Оглядели, опробовали ее. Лодочка оказалась не такой уж утлой. Протекала, разумеется, но — не тонула.

Уселись и поплыли. Машкин из всех сил загребал половинкой весла, мы с Саней беспрерывно вычерпывали воду, которая все прибывала. Под нагрузкой посудина оказалась не ахти какой надежной. А вода стояла в Белой большая, напористая, мутная. А до тверди

по себе уголок природы уникальный — могуч пейзаж, величественно зрелище вырывающейся из Байкала Ангары. Словом, Вампилову тоже захотелось там поселиться. Он досадовал, что в городе писать становится все трудней, невозможней. О желании своем высказывался четко: если уж обзаводиться недвижимостью, так ни в каком ином месте, кроме как у воды, непременно у воды.

В один из первых августовских дней (время было под вечер) пришли в мой байкальский домишко гости из Молчановской пади — Вампиловы всей семьей и Пакулов с женой Тамарой. Долго сидели за

страницы воспоминаний

АЛЕКСАНДР ВАМПИЛОВ

Владимир ЖЕМЧУЖНИКОВ

Иркутск, Россия 1977

у обоих сказались в более поздние городские годы неусмиримой тьмой к воде и лесу, которая в конце концов обернулась для него так трагически, так непоправимо.

Надеюсь, эти страницы ни у кого из дружеского окружения Саня не возбудят ревнивого чувства: пишу отнюдь не для того, чтобы предстать в ранге самого близкого друга. Первым другом, наверное, был у Вампилова все-таки театр...

Он жил им, жил в мире тех образов, которые потом обрели свою сценическую жизнь в его пьесах. И где бы мы ни встречались — на прогулке ли, на рыбалке, в поездке, — чувствовалось, что мысль его, мысль и душа художника работают. Неожиданно сказанное острое слово, реплика, короткий диалог — все это было ярким, сочным, запоминающимся...

В кругу друзей Вампилова была хорошо знакома ситуация долгих сборов на охоту. Каждую зиму собирались мы и на подледный лов рыбы. Правда, по-моему, так и не съездили ни разу. Зато летом выбирались на рыбалку не единожды, и случались не только ближние вылазки, но и дальние путешествия.

В начале лета 1969 года одним из первых рейсов теплохода «Комсомолец» отправлялись мы на северный Байкал. Малый рыбацкий десант составили трое — Саша Вампилов, Гена Машкин и я. Два дня, плыли по «славному морю», день шли пешком по глухomanной, мрачноватой тайге. И добрались наконец до озера Фролиха — цели нашего пути.

Каждый день плавали мы на середину Фролихи, к маленькому островку, возле которого лучше всего клевало.

Саня был самым упорным среди нас рыболовом. Мог легко подниматься на утренней зорьке, мог сидеть на плоту в ожидании клева до самых сумерек, мог идти ради нескольких хариусов по такому буреломному берегу, где сам черт ногу сломит. Жить — так жить, рыбачить — так рыбачить! Как справедливо писал когда-то Валентин Распутин, Саша ничего не умел делать походя, вполчувства, вполнакала.

Вскоре подошло время расставаться с Фролихой. Туристов за эти дни заметно подвалило. Зазвенели топоры, загремели выстрелы, по вечерам от дальних костров неслись крики, песни и гогот.

На другой год в том же малом составе — Вампилов, Машкин и я — была предпринята ближняя рыбацкая вылазка. Ездил мы на устье Белой, одного из крупных притоков Ангары. Но не этим памятна поездка.

Когда не задалась рыбалка на левом берегу Белой, решили перебраться на правый —

прзвобережной — не так чтобы пара гребков. Не скрою лично мне страшновато было.

Все-таки мы дотянули, доскреблись, доцарапались до того берега. Только мне и до сих пор думается — не безопасной была тогдашняя переправа. Как говорится, бог миловал. В тот раз.

Позднее произошел другой случай, который мог кончиться печально. Вампилов путешествовал тогда по Байкалу с другими спутниками, у них была своя лодка с добрым мотором «Вихрь». Однажды они стояли в каком-то заливе Малого моря, варили на приволье ушницу. И вдруг заметили, что лодку оторвало от берега, стало сносить ветром. Вампилов, расшвыряв на бегу одежду, кинулся в воду и поплыл вдогонку.

Потом он сам рассказывал мне: «Плыл и чувствую, если не догоню лодку, то вернуться, пожалуй, не хватит сил». А он никогда не преувеличивал, не присочинял, рассказывая о себе. В том заплыве ему хватило-таки сил, «настиг подлуню».

Наши совместные вылазки «на природу», разговоры о новых дальних маршрутах продолжались вплоть до лета 1972 года.

Надеюсь, что у читателей не создается впечатления, что Вампилов только и знал, что рыбачил и путешествовал, а в не подходящее для этого время пописывал пьесы. Но, во-первых, писатель работает не только за рабочим столом, а во-вторых, не сама по себе «муза странствий» интересовала Вампилова. Его тянуло к людям, ему необходимо было общение. Если он иногда предпочитал поезд самолету, то лишь для того, чтобы откровенно побеседовать со случайными попутчиками. Бывало, и у таежного костра и даже посреди застолья он вдруг как бы уходил в себя, сосредоточивался на чем-то своем, сокровенном. Долгие минуты (не отрешенности, нет, а самоуглубления) выдавали упорный ход его творческой мысли.

А сколько труда он положил на многочисленные варианты своей первой большой пьесы «Прощание в июне»! Сколько времени отдал репетициям «Старшего сына» на сцене Иркутского драмтеатра! Блажен, кто думает, что путь талантливого драматурга усеян одними премьерами...

В то последнее свое лето Вампилов жил и писал новую пьесу «Несравненный Наконечников» на даче Пакулова, в тихом портовом поселке Байкал, стоящем у истока Ангары. Там у нас образовалась небольшая колония писателей: с начала мая, едва освобождалось море ото льда, мы наезжали туда работать. Саня тоже приглашался. Это место — тишина, покой, как в деревне, лес рядом и рыбалка под рукой. Да и сам

столом, чаевничали, угощались свежими вареньями, разговаривали о том о сем. Потом, оставив женщин, мы пошли покурить во двор. Отправилась с нами и Леночка, шестилетняя дочка Вампиловых, — нюхатая ночную фиалку маттиолу и звезды смотреть. К тому часу уже вывезло. Все небо горело, лучилось, меоцало.

Саня, пригнувшись к дочери и вытянув правую руку, показывал ей, где Большая Медведица и где Малая.

Вдруг ребенок задал вопрос: — Папа, а у тебя есть своя звезда?

И он ответил так, как мог ответить только он: — Не располагаю, доча.

Ближайший среди старших друзей Вампилова — поэт Петр Реутский напишет потом стихи:

*Не покидайте, люди, землю,
Не отыскав своей звезды...*

16 августа (все там же, в порту Байкал) Саня заглянул к нам ненадолго, чтобы пригласить на свой день рождения. Выкурили по сигаретке. Уходя, еще раз напомнил, крикнув из-за калитки: — Возка, приходите обязательно!

Три дня оставалось до его тридцатипятилетия.

Вечером 17 августа какая-то странная сила понесла, потащила меня в Молчановскую паду. Не было же никакой серьезной надобности тащиться на ночь глядя по лесной тропе через гору. Просто потянуло неудержимо к ребятам, и все тут.

В густеющих сумерках подошел к большому пакуловскому дому. Он стоял тихий и темный, как нежилой. Дверь на веранду, которая обычно держалась нараспашку, была прикрыта. Я решил, что все-ушли на Ангару и еще не вернулись. Присел на скамью у крыльца, покурил. Минут пятнадцать сидел, ждал. Было тепло, тихо. Только кузнечики наяривали воясом. На темнеющем небе проклюнулся острый, только что нарождающийся месяц.

Неожиданно открывается дверь, выходят жены Вампилова и Пакулова, смотрят недоуменно на меня: дескать, почему не заходишь, у нас не запрето. Оказывается, они сидели в доме, сумерничали, не слышали, что гость у крыльца топчется.

А мужики уехали рыбачить на тот берег, — сказала Тамара. — Мы собрались их встречать.

Было примерно полдевятого. У того берега уже все произошло. Уже остановились Санины часы, обыкновенные, водонепроницаемые, защитные противударным механизмом. На этом берегу узнали о беде только назавтра.

Лодка на полном ходу натолкнулась на невидимое под

водой бревно-топляк, сразу перевернулась, стала тонуть. Вампилов поплыл к берегу, до которого было не так далеко. Но слишком студеной — около пяти градусов — оказалась вода, поднятая недавним штормом с байкальских глубин. Слишком тяжелой стала теплая куртка, когда намочила. Саша не доплыл до каменистого берегового откоса нескольких метров.

В ночь на 18 августа ударил первый заморозок. И началась преждевременная осень. Задохнулось, похолодало.

...Писать воспоминания мне еще не доводилось. И, очень может быть, чего-то другого ждал и не дождался от меня читатель. Предвижу главный вопрос: ну а как же работал Вампилов, как он сочинял свои пьесы? К сожалению, об этом едва ли кто-нибудь что-нибудь может вспомнить. При всей своей общительности и душевной открытости он редко с кем делился замыслами, не обговаривал новый сюжет, никогда не показывал неоконченные.

Бесполезно искать и в печати какие-либо его суждения, «проливающие свет»: время славы, время давать интервью и отвечать на анкеты пришло слишком поздно. Кажется, только один раз, зимой 1966 года, имел он возможность высказаться публично — в связи с постановкой пьесы «Прощание в июне», осуществленной на сцене театра города Клайпеды.

В газете «Советская Клайпеда» было опубликовано интервью, в котором А. Вампилов давал оценку спектаклю: «Режиссерское решение... простое, как сама жизнь». Об одной из актерских удач он так говорил: «Раскусил своего героя и полюбил его. Актеры должны любить своих героев, даже отрицательных, только тогда можно создать полноценный образ».

Гоголь, Чехов, Сухово-Кобылин, Найденов, Булгаков — таков был круг русских драматургов, почитаемых Вампиловым, он постоянно обращался к их драматургии, читал и перечитывал... и нередко потчевал своих друзей блистательными репликами из пьес своих любимых авторов. Он обладал врожденным вкусом к остроумию, точному, емкому слову.

Как всякий честный художник, Вампилов работал трудно. Писал он ночами. Иногда в кругу собратьев по перу говорил:

— Если не пишется — и не надо, не гнать себя за язык.

Призывом к писательской совести, творческому заветом звучат сегодня его слова:

— Писать надо о том, от чего не спится по ночам.

Да, писать надо о том, от чего не спится...